

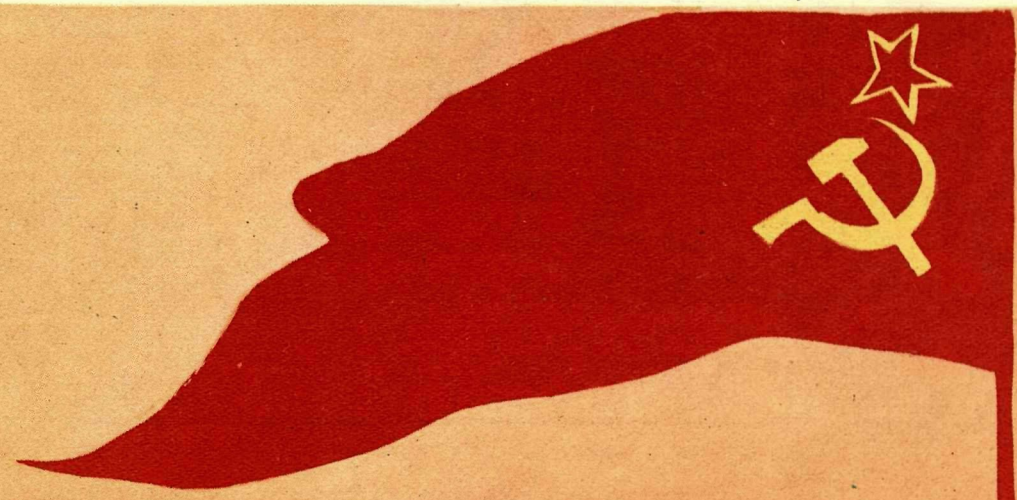
ОКТЯБРЬСКАЯ ГОДОВЩИНА ПЕРВАЯ...

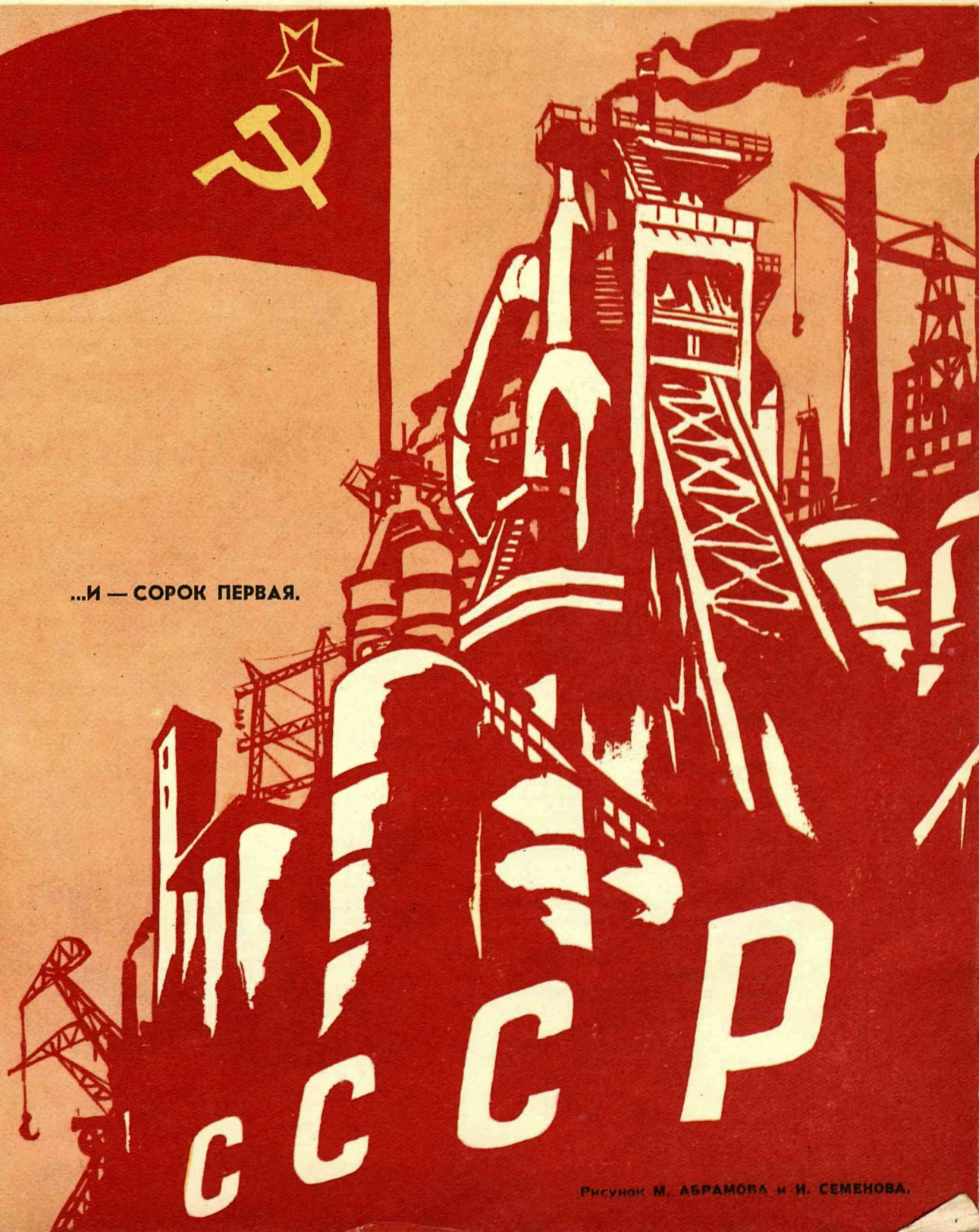
РСФСР

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 30 (1536) 30 октября 1958 ГОД ИЗДАНИЯ 37-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

...И — СОРОК ПЕРВАЯ.

СССР

Рисунок М. АБРАМОРА и И. СЕМЕНОВА.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ 1958 ГОДА.

Владимир КОТОВ

Поднимается солнце в зенит

Радость гордая,
взвейся птицей
Прозвени
над землей,
годовщина
Опрокинув
поднялась
где вы, где вы,
дни-недели
Где вы, умники,
нас
на
кредиткой
на кофейной гуще
заложившие нас,
сорок способов
как со свету нас
Лопнет мыльный пузырь

радость напевная,
с сердечной струны!
сорок первая
Советской страны!
«пределы» и «сроки»,
над планетой
она;
пророки-сороки,
считавшие нам!!
всё мечтавшие
в карман положить,
запродавшие,
изобретавшие,
с белого
сжить!.

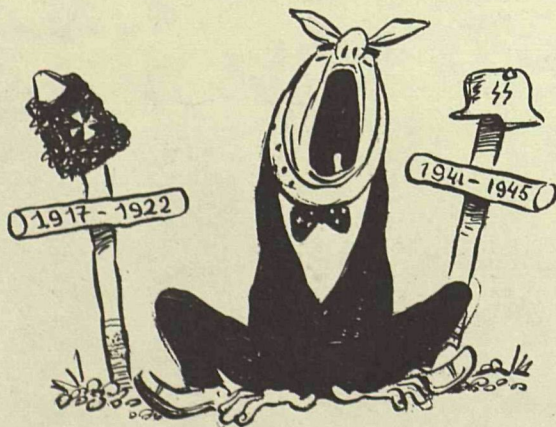
безусловно,

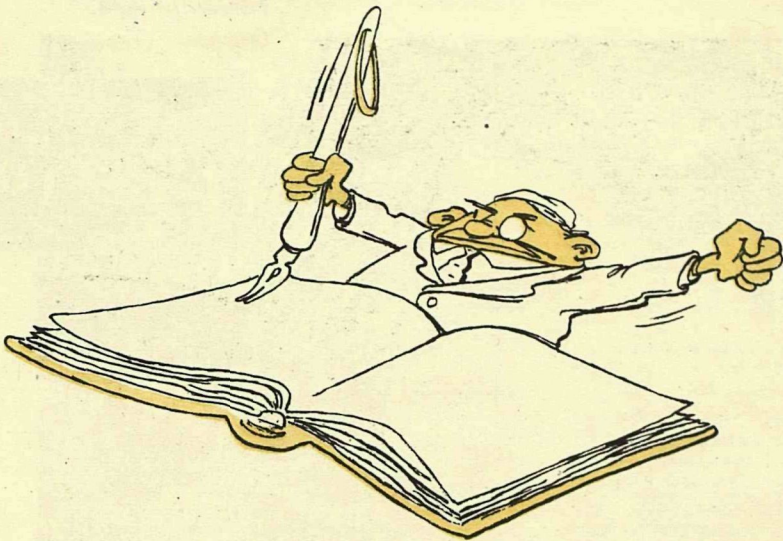
как красиво его
Сколько острых зубов
о стальную
Сколько разных хваленых
удирало,
держась за штаны;

ни надуть!
было сломано
советскую груди!
да грозных

сколько рожек
у незабываемой
А теперь и по-прежнему
не найдется,
Уясните
да умерьте
В мире новые
будет светлое
Есть ведь способы
и рубахи
на случай
Чтоб цвела красота
поднимается солнце
И не первая —
годовщина
сегодня

да ножек
разбросано
Красной стены!
шапки
чтоб нас
накрыть.
сие,
чан-кай-шавки,
безумную прыть...
измерения,
крепнуть и цвести!
усмирения,
есть...
беспримерная,
в зенит!
сорок первая
звенит!

СОРОК ОДИН ФАКТ

Накануне сорок первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции наши иностранные корреспонденты посетили известных ученых и просили поделиться своим мнением о Советском Союзе и о социализме. Многие ученые приветствовали нас и поздравляли с праздником. Но был и такой, который принял нас менее приветливо.

Знаменитый американский ученый мистер Фоол долго отказывался принять нас, ссылаясь на крайнюю занятость. В конце концов он согласился подарить нам пять минут своего драгоценного времени.

Ученое светило приняло нас в кабинете, заваленном книгами и рукописями.

— У меня нет времени для болтовни! — ворчливо предупредил он. — Я занят важным и срочным делом.

— Нельзя ли узнать, профессор, в чем это важное дело?

— Я пишу труд на тему «Возможно ли сосуществование государств с различными социально-политическими системами?».

— Очень интересно, — сказали мы вежливо. — И давно ли работаете?

— Свыше десяти лет. По заданию государственного департамента.

— Разрешите узнать, к каким же выводам вы приходите?

— Я не иду к выводам, а иду от них. Выводы уже сделаны государственным департаментом.

— И каковы же они?

— Мирное сосуществование невозможно.

— Вы с этим согласны?

Профессор Фоол сказал высокомерно:

— В этом вопросе видна ваша отсталость. У нас от науки требуются не выводы, а научное обоснование данных нам выводов. Мы возражали:

— Мы относимся с должным уважением к американской науке и отмечаем ее явный прогресс. Было время, когда она по готовым выводам доказывала, что Советский Союз не существует и не может существовать. А теперь она тоже по данным, изготовленным в госдепартаменте, доказывает, что хотя СССР существует, но сосуществовать не может. Это шаг вперед.

Профессор поморщился. Комплимент ему не понравился. Но он не возражал.

— Удалось ли вам, профессор, доказать, что мирное сосуществование невозможно?

— Работа не закончена. Вопрос исследован пока с точки зрения астрономической, геофизической, физиологической...

— Даже физиологической?! — воскликнули мы.

— Конечно. Вы меня раздражаете. Мы с вами не можем сосуществовать в одном кабинете. Кто-то из нас должен покинуть кабинет, и возможно скорее.

Это было покусение на юмор. Мы охотно согласились.

— Не беспокойтесь, профессор. Из вашего кабинета мы сейчас уйдем. Но земной шар не ваш кабинет. Надо сосуществовать, если уж доказано, что мы существуем.

— Это невозможно. Я теоретически докажу, что сосуществование не существует.

— Однако, профессор, оно существует на практике. Это же факт! Слыхали ли вы о сорок первой годовщине первого, но уже далеко не единственного социалистического государства?

Профессор ответил брезгливо:

— Меня не интересуют ваши факты!

— Сорок один факт, профессор!

— Пусть даже сто один!

— Профессор, вы кричите и нервничаете. Разрешите спросить: вы боитесь сосуществования?

— А вы не боитесь?

Воздушный парад в недалеком будущем.

— Нет, профессор. Чего же нам бояться? Мы очень прочно себя чувствуем. Мы растем из года в год. Социализм занял немалую долю земного шара, а он не арбуз, его нельзя разрезать на две части. И превратить в две планеты: капиталистическую и социалистическую. Нас нельзя уничтожить. Проблему существования социализма пришлось снять. Это была не проблема, а болтовня. Вам придется на этом основании снять и проблему сосуществования. А вы чего, собственно, боитесь?

— Странный вопрос! Если мирное сосуществование возможно на длительный срок, то, стало быть, моя работа не нужна и я тоже никому не нужен. А я хочу жить. Прошу вас оставить меня. Время истекло.

— Верно, профессор. Ваше время истекло. На этом кончилась наша беседа.

КРОКОДИЛ

Борис ЧИРКОВ, народный артист СССР

Смотр героев

— Рассказать о своих героях? Ну что ж!.. Их много. Пожалуй, наберется целый взвод...

И неожиданная мысль мелькнула у меня: а что, если каждый актер выведет на октябрьский парад шеренгу своих героев?!

Вот шагает взвод Николая Константиновича Черкасова. Щеголяя безукоризненным равнением, маршируют Александр Невский, Иван Грозный, Максим Горький, профессор Полежаев...

А сзади, сверкая взглядом и подняв щит в знак приветствия, бодро плетется верхом на верном Росинанте пламенный Дон-Кихот.

За этим взводом движутся колонны героев Игоря Ильинского, Михаила Жарова и других наших замечательных актеров...

Вот шагает и мой дружный отряд. На правом фланге — мой любимейший герой Максим. Тот самый Максим, который во главе лавины солдат, матросов, красногвардейцев сорок один год тому назад в хмурую октябрьскую

ночь ворвался в позолоченные залы Зимнего дворца.

Восхищенным взглядом обводит он сегодня праздничную Красную площадь, с гордостью читает на транспарантах цифры великих побед. Значит, недаром рисковал жизнью скромный мастерской революции Максим!

Рядом с ним шагает бородатый старик — крестьянин из «Чапаева». В те годы он еще колебался, к какому лагерю примкнуть, а сейчас по его радостной улыбке понятно, что он собственными глазами увидел, на чьей стороне была правда!

А вот показался мой молодой «Учитель», который начал свой первый урок в далекой сельской школе с того, что прочел ребятишкам рассказ А. П. Чехова «Ванька». Окончив чтение, как вы, надеюсь, помните, учитель продолжал уже от себя:

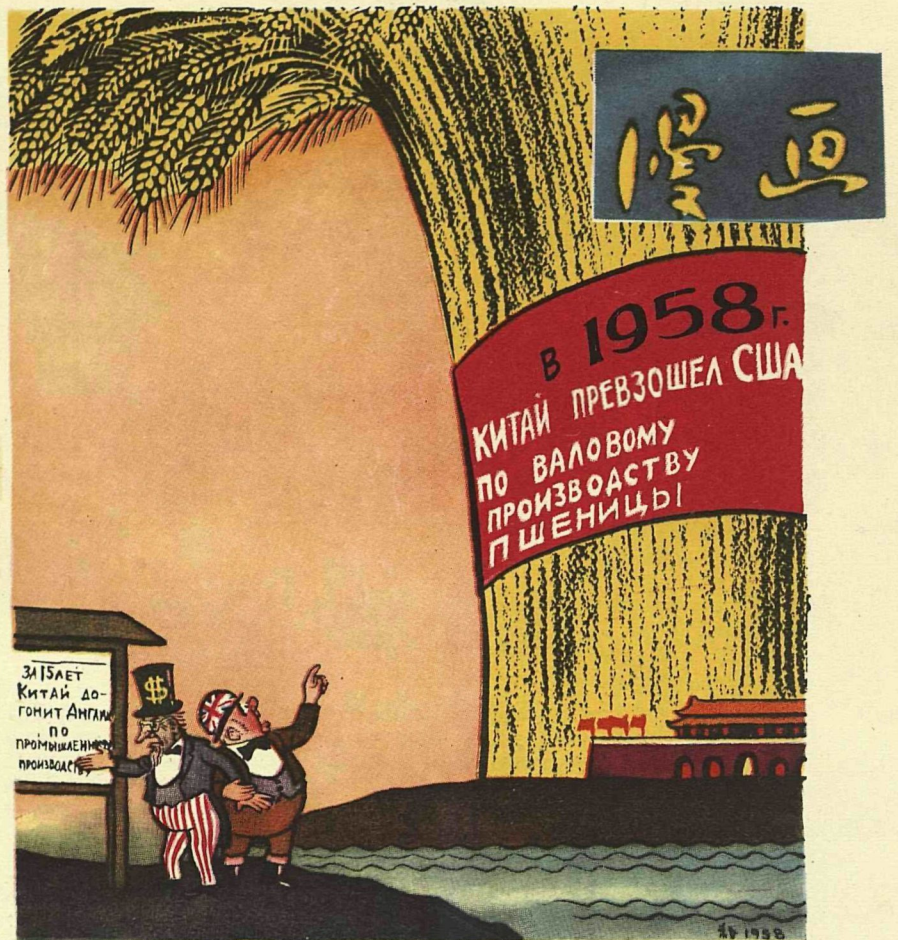
— И письмо Ваньки Жукова дошло! Оно не попало в руки дедушки Константина Макарыча. Оно попало в руки другого че-

У стопятидесятилетнего колхозника Махмуда Эйвазова (Азербайджан) около двухсот детей, внуков, правнуков и праправнуков.

Дружеский шарж Н. Лисогорского.

— Праправнуков побаловать!..

— Посмотри-ка, Джон Буль, они тебя могут скоро догнать...

— А тебя, дядя Сэм, они уже перегнали!

ловека, который посильнее дедушки Макарыча. Тот человек нашел Ваньку Жукова и вышвырнул его хозяина Аляхина вон с нашей земли, как вышвырнул всех хозяев, для того, чтобы Ваня Жуков мог учиться, мог стать большебиком. Имя этого человека — Владимир Ильич Ленин!

Рядом с «Учителем» — жизнерадостный военный кашевар, солдат с хитрецей Антоша Рыбкин... Как помогал его юмор в дни тяжелых военных невзгод!

С гордостью смотрит он на торжественный октябрьский парад.

Из-за его коренастой фигуры выглядывает старый шахтер Степан Недоля из фильма «Донецкие шахтеры». Немало рубанул он доброго уголька в счет пятилеток!..

Идет руководитель партизанского отряда — секретарь райкома Черноиваненко из экранизированного романа Валентина Катаева «За власть Советов»...

Щурясь от яркого света после непроглядной тьмы одесских катакомб, он повторяет про себя проникнутые верой в будущее слова, произнесенные им в грозные дни Великой Отечественной войны:

— Наверху немцы и оккупация, а внизу у нас здесь Советская власть! И действуют здесь и будут действовать только ее великие законы!..

Немного поодаль, с неизменной мягкой улыбкой, шествует известный хирург — профессор Чижов из фильма «Верные друзья», который вместе с приятелем-животноводом Лапиным не пожалели

своего отпуска, чтобы привести в чувство старинного друга — архитектора Нестратова, заболевшего головокружением от успехов...

Все они, мои герои, совсем разные, но всех их объединяет одна великая черта — любовь к Родине, к своему народу, к своей партии.

Самые молодые из них в годы их появления на экране были моими ровесниками. Теперь они уже годятся мне в сыновья. А сыгранные еще в молодости старики станут через некоторое время моими однолетками...

Как и для всех актеров, для меня самая лучшая награда, если рожденные моим творчеством герои оставляют след в душе у зрителей. И чем он глубже, тем радостнее мне жить!

«ГУМАННЫЙ» ПРИКАЗ

Командующий стратегическими военно-воздушными силами США генерал Томас Пауэр издал секретный приказ, согласно которому бомбардировщикам с атомными и водородными бомбами на борту запрещается летать над территорией США.

(Из газет).

Подчиняясь строгому приказу,
В Бонне самолет покинул базу.

С водородной бомбой на борту
Он стремглав взлетает в высоту.

Он летит, как требует приказ,
Над одной из африканских баз,

Пролетает призраком незримым
Над Парижем, Лондоном и Римом

И садится, строго по приказу,
В том же Бонне и на ту же базу.

Он садится плавно и красиво
До поры до времени... без взрыва.

Из приказа всем пилотам ясно:
Открывая путь экспериментам,
С бомбами летать небезопасно
Над американским континентом.

Вдруг случится что-нибудь такое!..
Хороша не всякая отвага!
Нарушать не следует покоя
Жителей Нью-Йорка и Чикаго.

Подлетать не должен летчик близко
К серым небоскрегам Сан-Франциско,
Чтоб американские владенья
Не погибли
в случае паденья.

Отправляясь в свой опасный путь,
Каждый летчик должен знать заранее:
Если вдруг случится что-нибудь,
Пусть случится, скажем, над Британией,

Или над лагунами Италии,
Или где-нибудь еще подальше.
Если у кого-нибудь авария,—
Есть Ливан,
Голландия,
Бавария...

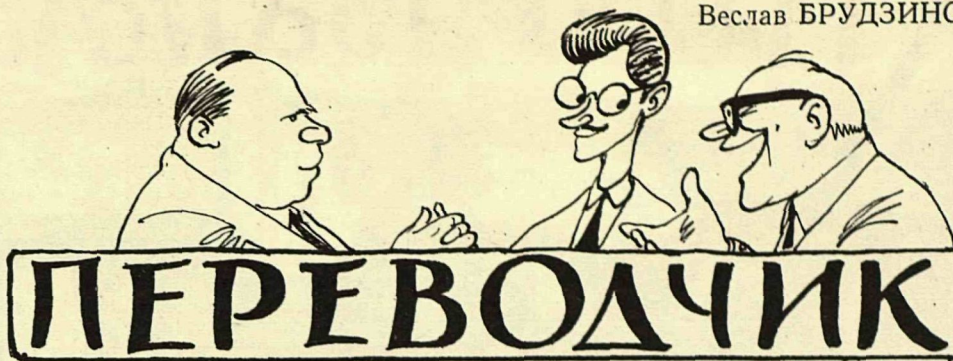
Пусть пилот летает над Баварией
И грозит Баварии аварией.

Так своим пилотам приказал
Тайно,
без шумихи нежеланной,
Этот удивительно гуманный,
Этот сердобольный генерал.

Он пока командует ретиво,
Хитрые приказы издает,
Потому что терпит их... без взрыва
До поры до времени народ.

Беспокоит расщепленный атом
Ныне лишь чужие небеса,
Не грозит Соединенным Штатам
Бомба с маркой «Мэд ин УэСА».

Но народы знают эту марку,
И поверьте, генерал-добряк,
Хитрый ваш расчет пойдет насмарку.
Это несомненно будет так!

Зарубежный гость пришел побеседовать с местным деятелем искусства. С собою он взял симпатичного молодого переводчика.

Собеседники уселись, гость дружески взглянул в глаза хозяину дома и заговорил:

— Я внимательно слежу за всеми материалами вашей дискуссии о культуре, какие только появляются в нашей печати. Например, меня взволновала интереснейшая архитектурная проблема фасадов и орнаментов... Или,— гость еще более оживился,— ваш спор о том, есть ли элементы социалистического реализма в неомпрессионистской живописи. Я знаю, что художественная интеллигенция вашей страны стремится полнокровно воплотить принципы гуманизма в своем творчестве, хотя и не все попытки в этом направлении увенчиваются желанным успехом. Меня очень интересуют плоды вашей работы, и мне хотелось бы побольше узнать о вашем творчестве.

Он умолк, и хозяин нетерпеливо взглянул на переводчика. Польщенный таким вниманием к своей особе, тот сделал многозначительную паузу и перевел:

— Говорит, что ему очень интересно...—

А помолчав, добавил: — И спрашивает, как у нас дела с искусством.

— Наше искусство,— взволнованно ответил хозяин,— сейчас на новом этапе. Мы поняли, что безжизненный академизм — это не более чем ремесленность в искусстве. Мы создали новые организационные формы, чтобы развязать творческую инициативу каждого художника, каждой творческой группы. Мы объявили непримиримую борьбу,— хозяин стукнул кулаком по столу,— примитивизму, конъюнктурщине, безыдейности и лакировке. Я очень рад, что наш милый гость проявляет такой живой интерес к нашей культуре и ее проблематике...

Переводчик нагнулся к гостю и сказал на его языке:

— Хозяин говорит, что он очень рад. Гость улыбнулся, хозяин ответил широкой улыбкой. Они обменялись рукопожатием и расстались, довольные этим весьма содержательным обменом мнениями.

Перевел с польского
Ю. МОЛОЧКОВСКИЙ.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Сбежались на голос.

Мы - Рязанские!

В ПОИСКАХ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ

Заслуженная пенсионерка Аглая Фирсовна, узнав, что мы едем в Рязань, попросила привезти ей... лапти.

— Давно известно: она-то, Рязань наша, лапотная. Вот и хочу внучатам показать их как наглядное пособие.

В Рязанском областном союзе потребительской кооперации, едва мы заикнулись о лаптях, посмотрели на нас так, точно мы свалились с луны (настоящей, не искусственной).

— Таковой артикул в нашем ассортименте давно не значится.

В районном центре Рыбном вопрос о лаптях сочли неуместной шуткой.

— Нам бы ваши заботы. Колхозникам района подай — и не завтра, а именно сегодня! — пятьсот телевизоров, сто мотоциклов, пятьсот стиральных машин и столько же холодильников, пятьдесят пианино! Где, скажите на милость, достать им двести пятьдесят баянов и аккордеонов да двести фотоаппаратов и всякой мебели чуть ли не на миллион двести тысяч рублей? А вы говорите — лапти! Вот она какова, «лапотная» Рязань!

В конце концов мы все-таки обнаружили пару лаптей... В краеведческом музее. Под стеклом. Рядом с экспозицией курной избы.

С таким же успехом мы могли искать допотопную лучину и соху. Впрочем...

Впрочем, должны оговориться: деревянную соху кое-где поминуют добром колхозники, занятые

поздней уборкой картофеля. Широко разрекламированные картофельные комбайны себя пока не оправдали и бездействуют, а пароконные распахники — стоили они всего триста тридцать рублей — на заводе «Рязсельмаш» признали отжившими свой век и прекратили выпускать. Вот и со-

в области есть такие места, куда семь дней скачи — не доскачешь и на самом вездеходном «газике». Например, из Рязани в районный центр Михайлов можно попасть... через Москву.

И вот строятся «кольцо». Строят горожане и колхозники. По бывшим болотным топям, по

вы пьете рязанское! Картофель едите рязанский! Капусту тоже. Ешьте на здоровье! Чай — и тот пришел к вам с рязанской чаеразвесочной фабрики.

Словом, без Рязани многим городам, и Москве в том числе, пришлось бы весьма туго.

Молока из Рязани в столицу поступает такое изобилие, что в пору подумать о прямом молокопроводе. И для доставки картофеля не мешало бы построить механизированный конвейер вдоль всей трассы Рязань — Москва.

О БАБАХ И ДЕТЯХ РЯЗАНСКИХ

Пусть мужская половина населения Рязанщины не обижается. Никто не умаляет их вклада в обновление земли рязанской. Но против фактов не попрешь! В президиумах, на выставках, в списках награжденных преобладают женщины. Еще вчера забытая, неграмотная баба рязанская стала сегодня героиней, даже дважды героиней, государственным деятелем.

Ни одно мало-мальски значительное событие не обходится без участия знатной шиловской доярки Прасковьи Николаевны Ковровой. О ком слагают песни на новогоднем балу доярок? О Ковровой! Кого приглашают как почетного гостя на областную выставку кукурузоводов? Ее, Прасковью Николаевну! Придирчиво, как строгий экзаменатор, осматривает она каждый стебель кукурузы. Если же старая русская женщина улыбнется и произнесет: «Хорошо!», — взволнованные звеньевые обрадованно вздохнут: они удостоились похвалы самой Ковровой!

А кто не знает другой рязанской женщины — Агриппины Федоровны Платоновой? Ей бы по годам на печи лежать да старые кости преть. Совсем еще недавно она занималась дома по хозяйству, потом работала кассиршей в парикмахерской. Но не такой у нее характер, чтобы отсиживаться в тихом уголке. Коммунистка Платонова пришла в райком партии и попросилась на самый передовой, на самый тяжелый участок. Так она стала звеньевой колхоза имени Калинина, Милославского района. А еще позже — запевалой областного соревнования кукурузоводов. Ее звено вырастило 1350 центнеров с каждого из десяти гектаров. И откуда только у этой маленькой, неприметной на вид женщины взялись силы и вырастить богатый урожай и других обучить этому высокому мастерству?

Вот как выглядят сейчас бабы рязанские!

Под стать им и дети. Три мил-

существуют на колхозных полях передовая техника и старый, дедовский способ раскопки картофеля!

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО РЯЗАНИ...

Кругом только и слышишь: Рязань — это филиал Москвы, это Москва в миниатюре. И действительно, крыши домов тут густо оштетинились телевизионными антеннами. Светофоры и милиционеры строго регулируют уличное движение, хоть оно, признаться, несколько отстает еще от столичного. Звуковые сигналы решительно отменены. На центральных улицах по вечерам загораются лампы дневного света.

К ноябрьским праздникам от Рязани до Москвы пойдет «электричка». И это еще больше приблизит рязанцев к столице.

Город и села строятся и разрастаются. Куда бы вы ни заглянули, вам везде могут показать: здесь построили новую школу, там — больницу.

— Полюбуйтесь Театром имени Есенина. Тысяча двести мест! За каких-нибудь три месяца отстроили!

— А вон там Дворец пионеров...

Если же рязанец вдруг посетует: «Ах, какая тут была грязь! Даже грузовики застревали! И тракторы...», — знайте: речь пойдет о строительстве Большого дорожного рязанского кольца.

вчерашним нехоженым тропам разносится задорный прилив чащушки:

Колечко, колечко,
Невиданное, новое.
Чудесное колечко
Шестисоткилометровое!

Послушаешь рассказы о разительных переменах в чудесном крае и невольно позавидуешь: «Почему ты не рязанец?» Завидовать же, откровенно говоря, есть чему!

Во-первых, природа. Какие замечательно красивые места! Будто созданы специально для охотников, рыболовов и для влюбленных. И, конечно, для поэтов... А знаменитые есенинские березки, озаренные рдяным багрянцем! От них глаз не оторвать, часами можно любоваться!

Во-вторых, рязанская продукция. Станки, радиоаппаратура, электролампы, гидравлические прессы, ковочные машины, точнейшие приборы идут из Рязани в тридцать зарубежных стран. И в Москву, разумеется, тоже.

А скоро Москва будет получать из Рязани нефтепродукты и штапельное полотно.

Так что, товарищи москвичи, не зазнавайтесь, не задирайте нос! Да будет вам известно: молоко

МОЛОКОПРОВОД РЯЗАНЬ-МОСКВА

лиона трудодней заработали в прошлом году в колхозах рязанские школьники.

Представьте себе на минуту классную комнату. За партами сидят взрослые дяди и тети. А у доски ведет урок парнишка лет двенадцати.

— Дорогие и уважаемые папы и мамы! Слушайте внимательно и мотайте себе на ус, как следует выращивать кукурузу. Кто говорил, что кукуруза у нас не приживется? А это что? — И юный лектор потрясает четырехметровым кукурузным стеблем, который чуть ли не в три раза превышает его собственный рост.

1200 цм²
с гектара

Такая картина недалеко от истины. Рязанские школьники поспорили скептиков, не поверивших в кукурузу. Сто тридцать четыре тысячи тонн зеленой массы и початков молочно-восковой спелости вырастили ребята в этом году на колхозных участках. Отдельные школы добились урожая свыше тысячи центнеров с гектара! Сто шестьдесят школ заслужили благодарность обкома партии и областного исполкома. Школьников поставили в пример взрослым колхозникам. Вот вам убедительное опровержение старой поговорки, будто яйца кур не учат! Оказывается, кое-где учат...

«НЕ ПИШИТЕ САТИРИЧЕСКИХ СТИХОВ!»

Наивно думать, что удивительные эти перемены дались легко и просто. Достаточно, мол, было обкому партии бросить клич, и все пошло как по маслу.

На что уж колхоз «Россия» передовой в области, но и там встречались люди далеко не передовые.

Какой-то колхозник, мягко выражаясь, прихватил с огорода кочан капусты. Председатель колхоза и виду не подал, что заметил. Он только спросил:

— Щец поел? Нет еще? Пойди-ка уплати в кассу, согласно решению правления, сто рублей. Захочется борщу — заплатишь двести. Ясно?

В том же колхозе на заседание правления вызвали пьяницу. Он несколько дней не выходил на поле. Правление постановило:

— Предоставить такому-то месячный отпуск.

Пьяницу на месяц отстранили от работы. Месяц ему не начисляли трудодней. После такого «отпуска» сразу протрезвишься!

А кое-где прибегают к более действенным мерам.

Сараевская районная газета напечатала как-то сатирические стихи про конюхов телятниковского колхоза Тихона Решетникова и Сергея Сушкова. Покритиковали их поделом: они плохо ухаживали за лошадьми, и по их вине колодец у конного двора завалило снегом. Колхозные ребята разучили эти стихи — и ну распевать их под окнами конюхов:

В стойле снег лежит, не тает.
Во дворе горой навоз.
Эх вы, конюхи-лентяи,
Опозорили колхоз!

Решетников и Сушков сразу же бросились очищать двор и колодец.

— Как угодно критикуйте, — взмолились они, — но только не пишите сатирических стихов!

Такую же неприязнь к сатирическим частушкам испытывает с некоторых пор и председатель областного потребсоюза тов. Короткин. Пока участники колхозной самодеятельности поддевали в частушках других областных работников, он сидел да посмеивался. Но едва только прозвучала частушка, в которой упоминалось его имя, он вскочил как ужаленный и выбежал из зала.

МЫ — РЯЗАНСКИЕ!

Октябрьскую годовщину, XXI съезд партии ордена Ленина Рязанская область — от мала до велика — встречает «в сплошной лихорадке буден», буден созидательных, напряженных.

«Мы — рязанские!..» Когда-то, давным-давно, это означало: наготы, босоты изувешены шесты, а голоду, холоду амбары полны.

— Мы — рязанские! — совсем еще недавно говорили, понурив головы, отцы города и области. И это звучало как откровенная просьба о дотации, о помощи несостоятельным иждивенцам.

Прошло всего пять лет...

В марте этого года жители Свердловска были свидетелями необычного зрелища. На улицах еще не стаял снег, а на рынке появилась свежая капуста, привозная. Каким образом, откуда?

— Мы — рязанские! — ответили продавцы с гордостью.

Вскоре к колхозникам рязанской артели «Россия» приехали колхозники Свердловщины. Приехали поучиться, как сохранять до весны капусту.

В колхозе «Россия» мы разговорились с бригадиром Александром Андреевичем Власовым, сухощавым стариком шестидесяти семи лет.

— И земля как будто такая же, и люди вроде бы те же. Ан нет! Люди стали, можно сказать, мозговитее. И земля, значит, к тем людям повернулась. Раньше как оно было? Хлеба-соли до зимы не хватало. Пшено из Козлова, из Грязей привозили. А нынче всюду работа идет путем-порядком.

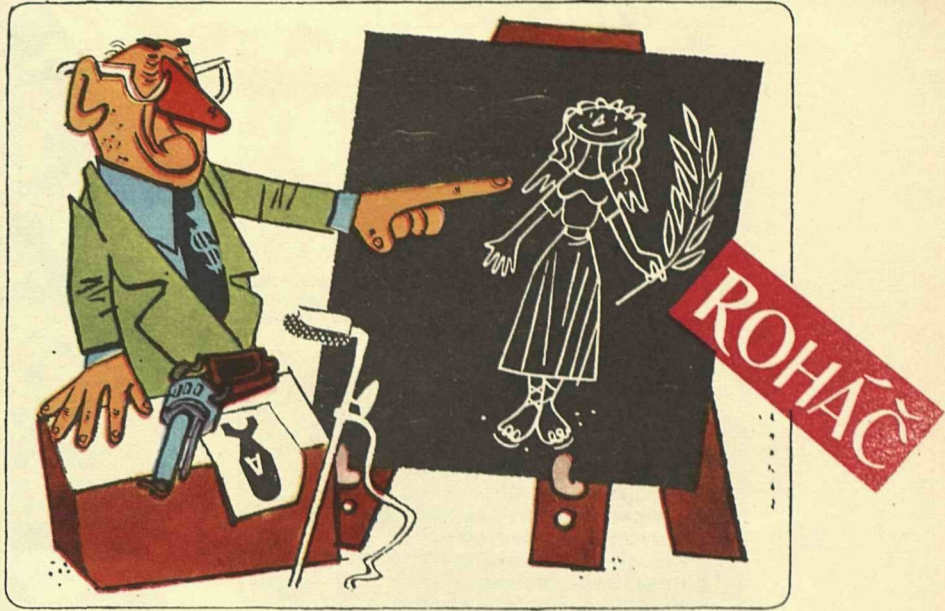
«Мы — рязанские!..» И это звучит как гордое признание огромного рывка вперед, к изобилию, к невиданному расцвету народных талантов, чьи творческие силы так буйно и пышно раскрылись теперь.

Е. ВЕСЕНИН

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Рязань, октябрь.

«РОГАЧ» — Чехословакия. Рисунок Вильяма ВЕЙСКОПФА.

— Как только закончим очередные испытания атомного оружия, начнем говорить о мире...

«ШПИЛЬКИ» — Польша. Рисунок Збигнева КЮЛИНА.

Западные дипломаты совещаются...

«МАТАР» («Крокодил») — Монгольская Народная Республика. Рисунок О. НИЯМСУРЭНА.

КРЕПКАЯ ДРУЖБА.

Читая ГАЗЕТУ

«МИРОТВОРЦЫ»

Правительство США ратует за создание так называемых вооруженных сил ООН. Придумано даже новое название для этих вооруженных сил, а именно «силы мира».

Интервентов штаб-квартира,
Фортель выкинув опять,
Предложила «силы мира»
[Вместо воинских!] создать.
И хоть нет еще надежды
На согласие ООН,
«Форма» есть — проект одежды
Пентагоном утвержден.
Говорят, портные НАТО
Позаботились зело,
Чтоб от внешности солдата
Миролюбием несло;
Чтоб на «форме» красовались
Два оливковых листка
[И меж ними — мистер Даллес
Наподобье голубка].
Дышит миром вид мундира!
Не узнаешь, говорят,
Это кто же: ангел мира
Или натовский солдат!!

МЫ И ОНИ

Правительства США и Великобритании прилагают усилия к тому, чтобы не допустить на Генеральной Ассамблее ООН решения вопроса о прекращении испытаний атомного и водородного оружия.

Мы предлагаем:

«Дайте людям

Покой в Каире,
В Нью-Йорке, в Лондоне... Обсудим
Вопрос о мире!»
Они ж спешат уйти в сторонку
От этих прений,
Предпочитая «пентагонку
Вооружений».

«ДИКОБРАЗ» — Чехословакия. Рисунок И. ПОПА.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ГОЛГОФА.

НОВЫЙ НАРЯД
КОРОЛЯ

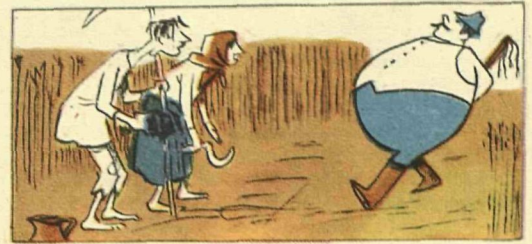
ТЕРЕМОК

Рисунок Ю. ГАНФА.

«УРЗИКА» («Крапива») — Румыния.

Рисунок Е. АРНО.

Вчера они кланялись ради куска хлеба...

...а сегодня хлеб кланяется им самим.

ЛИСА и ПЕТУХ
(БОННИ ПАРИЖ)

ИСТОЧНИК
«МОРАЛЬНОГО ДУХА»

В последнее время американская пресса с подозрительной назойливостью трубила о духе чанкайшистских войск на острове Куэмой (Цзиньмыньдао). Даже в США многие удивлялись: откуда взялся у чанкайшистов «высокий моральный дух»?

Все разъяснилось, когда снаряды Народно-освободительной армии Китая «причинили», — как пишет американский корреспондент Трамбл, — серьезный моральный, а также материальный ущерб, разрушив на Куэмое винокурный завод стоимостью в полтора миллиона долларов, который считался производителем наилучшей водки «Бай цань», получаемой из гаоляна.

Проявив столь профессиональную осведомленность в вопросах производства горячительных напитков, мистер Трамбл (будучи, вероятно, «под мухой») проговорился об источнике пресловутого «морального духа». Дух-то, как выяснилось, был не моральный, а спиртной. И если у чанкайшистов осталось еще какое-то количество этого «духа», то как раз столько, сколько требуется для того, чтобы его испустить.

СКОЛЬКО БЫ ШАВКА
НИ ТЯВКАЛА...

Когда из радиоприемников доносится монотонное шамканье и шипение, южнокорейцы знают, что это такое.

После обилия шипящих в эфире раздается голос диктора сеульской радиостанции, поясняющего:

— Вы прослушали выступление президента Ли Сын Мана...

Восьмидесятитрехлетний старец все реже демонстрирует свое увядающее красноречие. За пальму первенства в ораторском искусстве дерутся его министры.

К их числу относится и «министр иностранных дел» Чо Чун Хван. Поджигательские призывы из-за океана действуют на него, словно звуки охотничьего рога на борзую: он делает стойку перед микрофоном и раздражается заявлением.

На последней пресс-конференции он протяв-кал:

«Для достижения мира во всем мире требуется только капитуляция коммунистов».

Корейцы смеются. Они верят в старую восточную мудрость: «Сколько бы собака ни лаяла, гора от этого не рухнет».

ПО ЩУЧЬЕМУ
ВЕЛЕНЬЮ

ЮГ
58

ДЛИННАЯ РУКА

Обыкновенно мы привыкли видеть с длинными метрами в руках плотников. И даже не обязательно, чтобы из их сумок выглядывали пилы и прочие подобные инструменты. Достаточно увидеть метр, чтобы догадаться о профессии плотника.

Оказывается, однако, что в Америке подчас носят метры не только плотники. Вот идет по улице человек, держа в руках метр, и ты, естественно, полагаешь, что он является плотником. А нет! Кто же тогда этот субъект? Оказывается, чиновник государственного департамента. И не просто, а чиновник по особым поручениям.

— Эй, парень,— говорит этот субъект, останавливая одного из прохожих,— дай-ка я измерю твою руку!

Прохожий удивленно останавливается и после короткого размышления протягивает свою руку, улыбаясь при этом так, что трудно разобрать, сердится он или радуется.

— Коротка,— говорит чиновник.— Видывали мы и подлиннее.

Таким же образом субъект с метром измеряет еще много рук, заходя даже в рестораны и кабаре. Сие странное занятие вызывает естественное любопытство, и постепенно вокруг него собирается небольшая толпа.

— Смеряй мою руку! — предлагает один двухметровый верзила.

Чиновник измеряет его руку, восхищенно произносит «кол райт» и делает безуспешные усилия похлопать верзилу по плечу.

— Bravo, bravo! — радостно восклицает он.— До сих пор я измерил триста восемьдесят рук, но эта самая длинная.

Верзила в восторге.

— Так, значит, в конкурсе победил я? — радостно спрашивает он.

— Никакого конкурса!

— Как так? — возмущаются в толпе.— Тогда зачем же останавливать людей и отнимать у них время?

— Если бы вы знали, какая блестящая карьера ждет нашего длиннорукого приятеля, вы бы другое сказали,— загадочно говорит субъект с метром.

— Какая же карьера?

Но человек с метром, не отвечая на вопрос, быстро останавливает проходящее такси, вскидывает в него верзилу и кричит шоферу:

— К департаменту!

— Мистер Смит,— говорят там длиннорукому,— мы направим вас в ООН в качестве нашего представителя. В группе наших представителей вы будете тем самым, который, выше всех поднимая руку, будет давать знак представителям подчиненных — мы имеем в виду свободных — стран также поднимать свои руки. Рука ваша длинная, она будет видна со всех мест в зале...

Признаемся откровенно, что такой истории на самом деле не было. Прямо скажем: она выдумана автором этого фельетона.

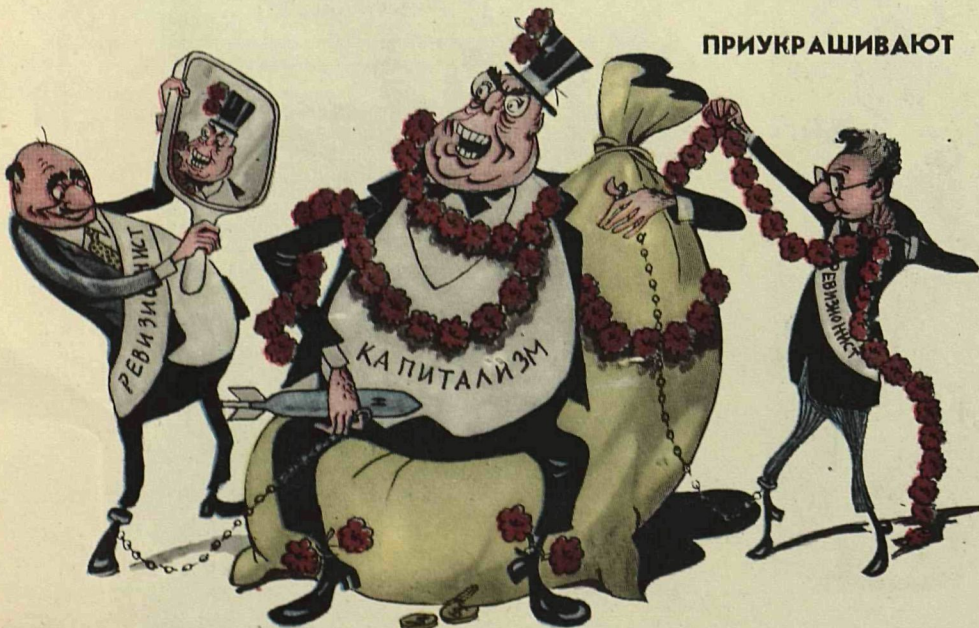
Но все-таки мы ее придумали не просто так, наобум. Не бывает дыма без огня.

Таким дымом в данном случае является одно сообщение, которое я прочел в газетах. Судя по этому сообщению, американские представители в ООН сидели на передних скамьях, и когда главный из них хотел запускать в ход «машину голосования», он всегда силился как можно выше поднять свою руку. И вот в нашем, так сказать, творческом воображении родилась хорошая мысль: вместо того, чтобы этот представитель мучился, вытягивая свою, должно быть, короткую руку, гораздо удобнее найти для этой цели какого-нибудь длиннорукого... Тогда представителям «свободных стран» будет очень легко: им не надо будет подниматься со своих кресел, чтобы увидеть, как надо голосовать.

— Хе-хе-хе! — будет ухмыляться верзила, высоко поднимая свою руку.— Сейчас уже никто не сможет сказать, что меня не кормят мои руки...

Перевел с болгарского Е. ТУГАНОВ.

«ХОСТЕНИ» («Шест») — Албания. Рисунок Зефа БУМЧИ.

ПРИУКРАШАЮТ

РЕГУЛИРОВЩИК ИЗ ВАШИНГТОНА
(На североатлантическом перекрестке)

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

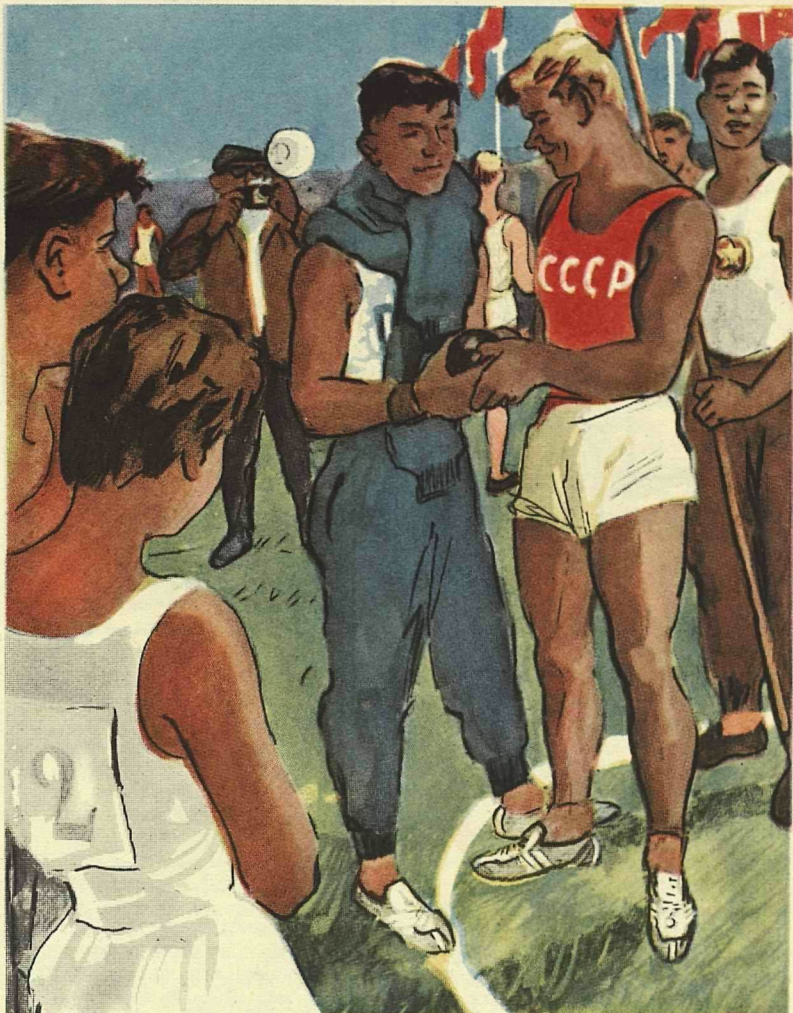
— Что? Вывести войска!
Я ничего не слышу...

— Нас перебили...

«ОЯЛЕНШПИГЕЛЬ» — Германская Демократическая Республика.

Западноберлинская радиостанция РИАС выступила с клеветническими измышлениями по адресу участников спартакиады дружественных армий в Лейпциге.

Рисунок Курта КЛАМАНА.

— Теперь западноберлинские врали могут сообщить, что в Лейпциге рвутся снаряды...

НОВОЕ НЕБО, НОВАЯ ЗЕМЛЯ

Старая Россия плелась в обозе западных стран. Поэты называли ее немьгой, нищей, убогой. Никуда не спеша, она привыкла «волочиться сохой по полям».

И поэтому другая Россия, родившаяся под залпы «Авроры», поначалу мерещилась скептикам загадочной страной во мгле.

В те времена большой писатель Запада иронизировал над русскими коммунистами, которые верили, что в России будет новое небо и новая земля. «Судя по тому, что мы видели в России,— писал Уэллс,— там по-прежнему старое небо и старая земля».

Многим западным маловерам казалось, что новая Россия не сумеет преодолеть вековую обломовщину.

У одних просветление наступило после первых пятилеток, у других — после нашей великой победы в схватке с фашизмом.

Третьи протирают глаза сегодня.

Некоторые земляки писателя Уэллса впервые заметили новую Россию лишь через сорок лет после ее рождения.

«Сейчас Спутник открыл нам глаза на технические достижения коммунистов»,— признавался минувшим летом английский министр торговли консерватор Экклс.

Другой англичанин, Александр Флек, тоже проснулся лишь после запуска советских спутников Земли. Флек — председатель химического концерна «Империл кемикл индастрис».

Воздав хвалу спутникам, Флек тут же поднял тревогу. Он объявил, что Англия в перспективе должна быть готова к «вторжению русских на мировые рынки».

«Я говорю «в перспективе»,— подчеркнул Флек,— но Россия имеет привычку ускорять историю. Промышленная революция заняла в России всего лишь несколько десятилетий. Спутник явился прямым вызовом английской промышленности и ее опыту».

Честно говоря, для нас беспокойство Флека по поводу нашей привычки ускорять историю звучит как приятный комплимент. И не потому ли еще она так огорчает Запад, что становится общей привычкой всего лагеря социализма?..

Можно представить себе, в какой трепет привело председателя химического концерна Флека наше решение ускорить развитие химической промышленности! Да и не только мистера Флека. На Западе ведут сейчас нервные подсчеты наших возможностей и находят временное забвение в своем широком спектре химических продуктов... Но разве за горами день, когда западный широкий спектр химических изделий окажется узким и малым в сравнении с раздольным советским ассортиментом?!

Наша привычка ускорять историю вызывает на Западе смятение и замешательство. Отовсюду несутся жалобы, вопли и ропот. Американский экономист доктор Нейл Джекоби бьет в набат: «В экономической холодной войне истекает время!»

Известный американский экономист Джон Брайт просто стонет: «Капитализм имеет основания бояться того воздействия, которое оказывает на мировое общественное мнение превосходство социализма».

А газета «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан» призывает ретивых хвастунов «навсегда похоронить ту идею, что русские — глупые варвары, неспособные догнать Америку в области техники».

Бывший президент Трумэн уныло замечает:

«Русские догоняют нас не только потому, что они идут вперед, но также потому, что мы идем назад».

Да! Они идут назад потому, что им не хватает сил идти вперед. Время капитализма истекает. Он страдает старческой сердечной одышкой. Капитализм не в состоянии ускорить свой бег, оторваться и уйти вперед от наступающего противника, который все чаще и чаще наступает ему на пятки.

Восток и Запад поменялись ролями. Привычка плестись в хвосте жизни перекочевала на Запад. А социализм все ускоряет свой бег под новым небом, по новой земле.

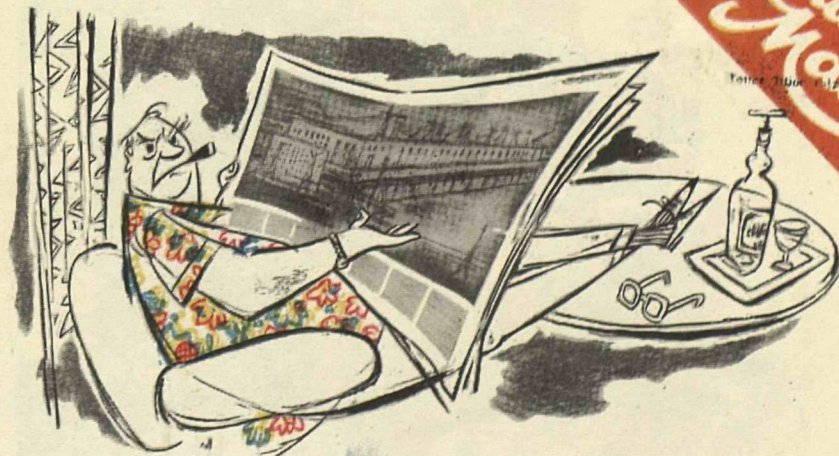
Вот поэтому-то западные деятели вроде ректора Айовского университета сейчас со страхом и горечью вопят:

— Караул! Россия уже дышит нам в затылок!..

М. ПОЛИКАНОВ

МИСТЕР БРАУН И КУЙБИШЕВСКАЯ ГЭС

«ЛУДАШ МАТИ» — Венгрия. Рисунок Тибора ТОНЦА.

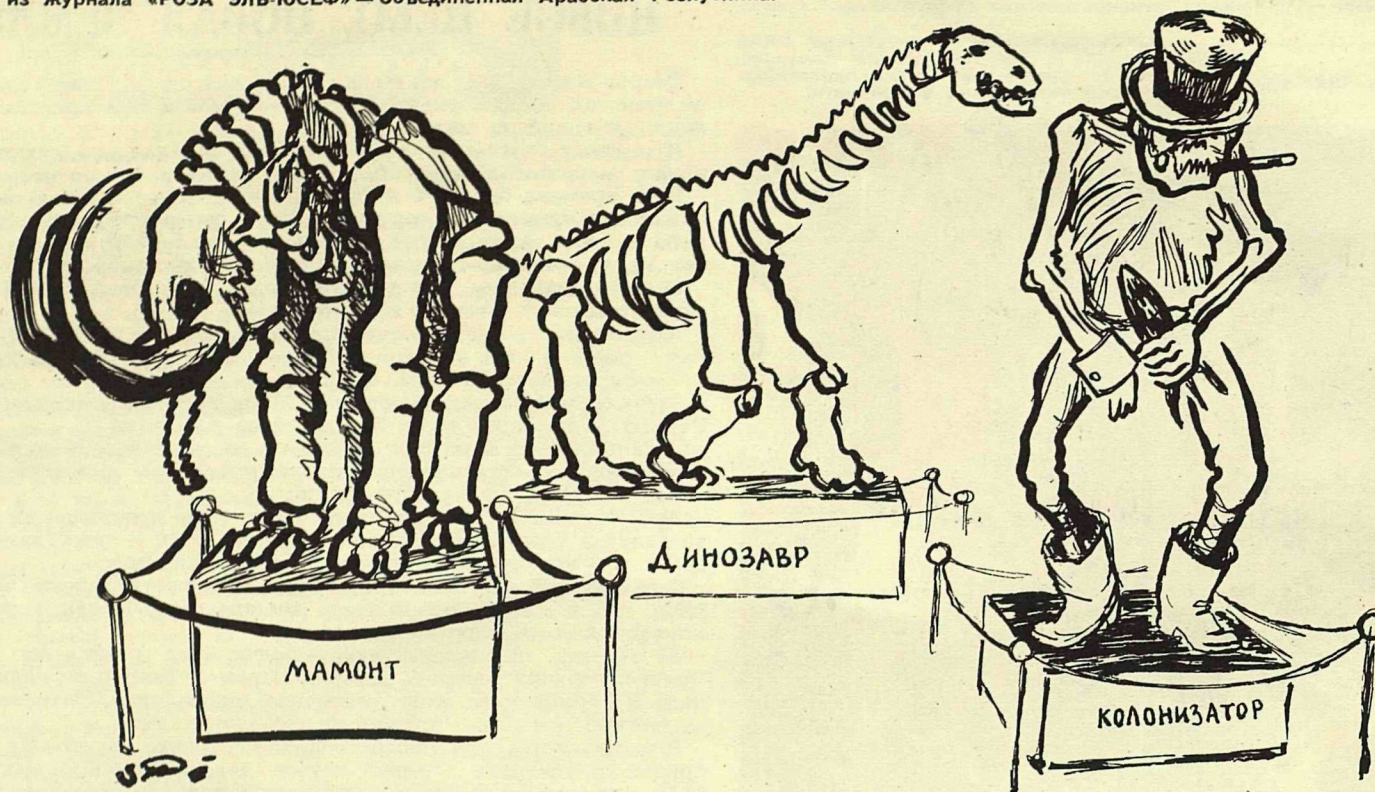
— И чего только русские не делают ради своей пропаганды!

— Господин Даллес! Я вас слушаю-сь...

— Алло! Вашингтон! Дайте мне Китай!..

— Алло! Не мешайте! Я продолжаю говорить о разоружении.

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОНАТЫ

Л. РОГАЧЕВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГОРИЗОНТА

На пляже знакомятся еще быстрее, чем в вагоне поезда. И нет ничего удивительного в том, что Павлу Гурьевичу Федюкину, полному мужчине в соломенной шляпе, казалось, будто он уже целую вечность знает Семена Васильевича Парфенюка. Накинув на плечи махровое полотенце и удобнее устроившись на камешках, Павел Гурьевич обратился к новому знакомому:

— У нас уже, наверно, холодно. А здесь, на юге, мы принимаем солнечные ванны, облучаем свои тела. У наших ног плещется море. Благодать! Но, скажу вам, интересно было бы хоть одним глазом взглянуть, что-то сейчас делается на заводе.

Семен Васильевич приподнялся на локте.

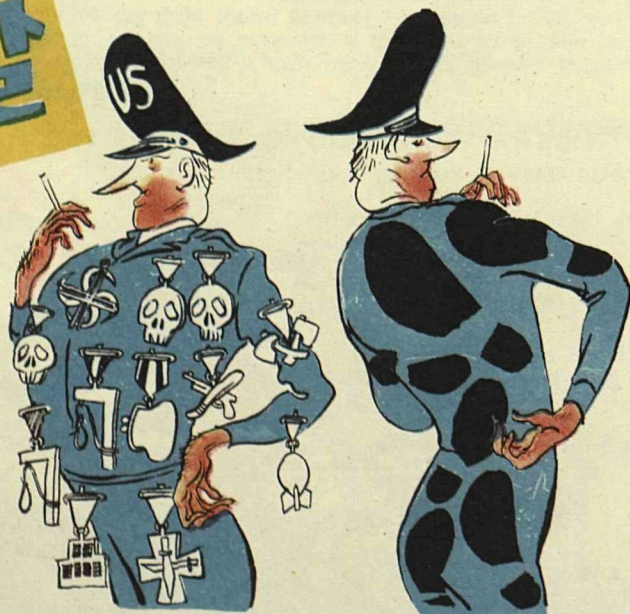
— Отдых предполагает полную перемену обстановки. Не рекомендую думать о делах.

— Легко сказать, не думать! — вздохнул Павел Гурьевич.

— Вы руководитель предприятия? — полюбопытствовал Семен Васильевич.

«ХУАЛЬСАЛ» («Стрела») — Корейская Народно-Демократическая Республика. Рисунок ПАК СЫН ХИ.

활살

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ.

— Нет, я начальник административно-хозяйственного отдела, сокращенно АХО. Знаю, привыкли вы читать о нашем брате критические заметки в газетах, привыкли к тому, что сатирики палат по нас из дальнбойных пушек. А мы достойны лучшего обращения... Не буду хвалиться, но факт остается фактом: план на нашем заводе пошел в гору именно благодаря мне.

— Да ну? — усомнился собеседник.

— Верьте слову. Хотите послушать, как это произошло?

— Рассказывайте, — лениво махнул рукой Семен Васильевич.

Павел Гурьевич укрепил на носу клочок газетной бумаги и начал:

«— Ну, так вот. Наш стекольный завод, конечно, не гигант, но предприятие солидное. Наша продукция всем нужна, как без нее обойдешься! У меня — начальника АХО — дел хоть отбавляй. Дендильской крутишься, как оперный Фигаро. А тут еще, представьте, ремонт помещений заводоуправления предстоит. Не какой-нибудь мелкий, текущий, а капитальный ремонт широкого профиля. Слушайте дальше. Вызывает меня директор завода Савелий Романович и давай распекать:

— Что это вы выдумали, товарищ Федюкин! Зачем затеяли ремонт в такое неподходящее время?

Я говорю:

— Давно собираемся, Савелий Романович. Смета утверждена, договор с ремонтниками заключен. Но вы не волнуйтесь. Все сделаем быстро. На несколько дней, самое большее на недельку придется всем потесниться. А тем временем...

— Как, — перебил Савелий Романович, — и мне нужно будет оставить кабинет?

Я виновато развел руками.

Савелий Романович прикусил губу, а это не предвещало ничего хорошего. Он встал из-за стола и, подойдя ко мне вплотную, сказал:

— Вы, товарищ Федюкин, — человек без горизонта. Вы, как сказано у классика, все делаете рассудку вопреки, наперекор стихиям... Поймите, завод не выполняет плана, мне надо сосредоточиться, подумать, как найти выход из создавшегося положения. А вы дезорганизуете дело. Да, да, дезорганизуете! Ремонт выбивает людей из колеи, мешает им... Еще раз убеждаюсь в том, что у вас нет горизонта.

— Горизонта, — говорю я директору, — может быть, у меня и нет, но смета, вот она, в кармане. Если мы каждую комнату будем ремонтировать отдельно, — средства перерасходуем, да и времени много уйдет. Другое дело — сразу во всем заводоуправлении ремонт делать. Но для этого, извиняюсь, всем потесниться надо.

Директор приложил руки к вискам и еле слышно проговорил: — Теперь я знаю, кто вы, товарищ Федюкин. Вы возбудитель инфаркта!

Побушевал наш Савелий Романович, да делать нечего: комнаты заполнили маляры с ведрами и стремянками. Я спросил директора:

— Может быть, пока ремонтируют кабинет, вам выделить комнату?..

— Ладно уж! — махнул рукой Савелий Романович. — Посижу в производственном или техническом отделе. Только поскорее управляйтесь...

Через денек заглянул я в технический отдел и, скажу откровенно, обрадовался. Передо мной открылась симфония труда. Директор Савелий Романович подчиненным установками дает, что-то инженерам доказывает, вместе с ними чертежи просматривает.

Греха таить нечего, попробуйте-ка в обычное время попасть к Савелию Романовичу! Секретарша вопросами замучает: зачем пришли, по какому делу? Руководящие действия начальства обычно скрыты от нас дверьми, обитыми дерматином. А тут пожалуйста, директор трудится на виду у всех! В любое время подходи и разрешай наболевший вопрос.

Сами понимаете, что и работники заводоуправления подтянулись. Распорядок их дня нарушился. Раньше, бывало, с девяти до десяти — чтение газет. Теперь с обзором центральной прессы в пять минут управлялись. Пришлось поступиться и ленчем — вторым завтраком. Мой свояк Прохор Иванович из сектора сбыта сказал мне:

— Савелия Романовича мы только по табельным дням видели, а теперь по три раза на день встречаем. Не могу, Павлуша, долго находиться перед глазами вышестоящего начальства.

— Ничего, — смеясь, отвечаю, — терпи!

Вы, наверно, с нашим стекольным делом не знакомы. А оно хрупкое, щепетильное. В то время плохи были дела в цехе шлифовки и полировки. Сколько совещаний по этому вопросу у директора в кабинете проведено, счесть нельзя. Зовет к себе Савелий Романович главного инженера, начальника цеха, мастеров, и — дым коромыслом — до вечера совещаются. А тут, понимаете, как кабинет стали ремонтировать, совещаться долго вроде и негде. Накоротке поговорят, оперативные вопросы решат — и разойдутся.

Директор по несколько раз в день в цех наведывался. Там два новых полировальных станка установили. Он вместе с инженерами и рабочими допытывался, почему брака много, почему плохо обрабатываются края стекольного листа. И что же? Нашли причину и устранили ее. Удивляться нечего: Савелий Романович в прошлом был бригадиром цеха шлифовки и полировки. Отменным считался мастером! Хорошо помню. Я ведь тоже на этом заводе лет двадцать тружусь.

Прошло несколько дней. Встречаю я как-то начальника технического отдела Глеба Сергеевича Зорина. Человек он молодой, горячий. Между прочим, общественик хороший, член завкома. Глеб Сергеевич мне и говорит:

— Хорошо, что встретил вас, Павел Гурьевич! Давеча я искал вас повсюду. Скажите, как дела с ремонтом помещений?

— Плохо. Задержка произошла.

А Глеб Сергеевич отозвал меня в сторону и тихо говорит:

— Вот что, Павел Гурьевич, а нельзя ли того... еще с ремонтом повременить?

— То есть как это повременить?

— Ну, в общем, на недельку затянуть работы.

Я замахал руками:

— Что вы, разве можно! И так план ремонта помещений срываем.

— Этот план срываем, зато заводской план в гору идет. А почему? Потому что в кабинетах меньше сидим, лишних заседаний нет... Спасибо вам, Павел Гурьевич, это благодаря вашему ремонту переворот такой произошел. Так что вы не просто начальник АХО, а начальник АХО — новатор... Ну, значит, договорились, еще на недельку ремонт задержите.

— Ох, — говорю, — вы, Глеб Сергеевич, просто змей-искуситель! Ремонт действительно еще на неделю затянулся: маляры попались неопытные... Вот, собственно, и вся история. А этак дней через десяток вызывают меня в завком. Председатель завкома Колотов скороговоркой объявил:

— Путевка есть, товарищ Федюкин, на южную конечность Крыма. Море, горы, кипарисы... Через три дня ты, по плану, должен лежать на пляже. Согласен? Значит, заматано.

Поехал я в Крым. Отдыхаю теперь в свое удовольствие, — закончил свой рассказ Павел Гурьевич. Он бросил в воду камешек и добавил: — Только одно меня мучает.

— Что же?

— Да видите ли, странно получается: с ремонтом помещений вовремя не справился, а путевку на курорт дали.

— Ничего! — рассмеялся Парфенюк, собеседник Павла Гурьевича. — Вы ведь начальник АХО — новатор.

Парфенюк помолчал немного, потом сказал:

— Рассказ ваш занятен. Вот только интересно знать: что произошло после того, как директор водворился в своем кабинете? Небось, все пошло по-старому?

— Э, нет! Понимаете, после этого самого ремонта вроде как бы встряска у директора получилась. Увидел, значит, он, что правильно, а что во вред делу идет... Теперь кабинет Савелия Романовича блестит, как стеклышко, чистый, уютный, только в нем и сидеть, а Савелия Романовича то в отделе каком-нибудь видят, то в цехах.

Парфенюк покрутил головой и сказал:

— Интересно!.. На нашей фабрике, что ли, ремонт затеять?

— Не помешает! — весело отозвался Павел Гурьевич.

Они рассмеялись и, сняв шляпы, осторожно, точно боясь встретиться с акулами, вошли в море.

— Не откажите, выпейте с нами за новоселье!

ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ КИНОПРОКАТ.

Песенка про ЛЕСЕНКУ

Шуточная

Музыка Виктора ШОРИНА.
Слова Сергея СМИРНОВА.

Бежит живая лесенка,
Блестит, как серебро.
А я мурлычу песенку
На станции метро.
Спешат сюда влюбленные,
По мрамору скользя.
На первое свидание
Опаздывать нельзя!

Смотрю неумоимо я
И просто сам не свой:
Мне девушка любимая
Кивнула головой.
Бежит живая лесенка,
Любимую везя.
На первое свидание
Опаздывать нельзя!

И мы с тобой на лесенку
Становимся вдвоем,
Становимся и песенку
О лесенке поем:
Беги, живая лесенка,
Нигде не тормозя.
На первое свидание
Опаздывать нельзя!

Умеренно

tr

Бежит живая лесенка, блес-

-тит, как серебро, а я мурлычу песенку на станции метро. Сле-

-шат сюда влюбленные, по мрамору скользя. На первое сви-

mf

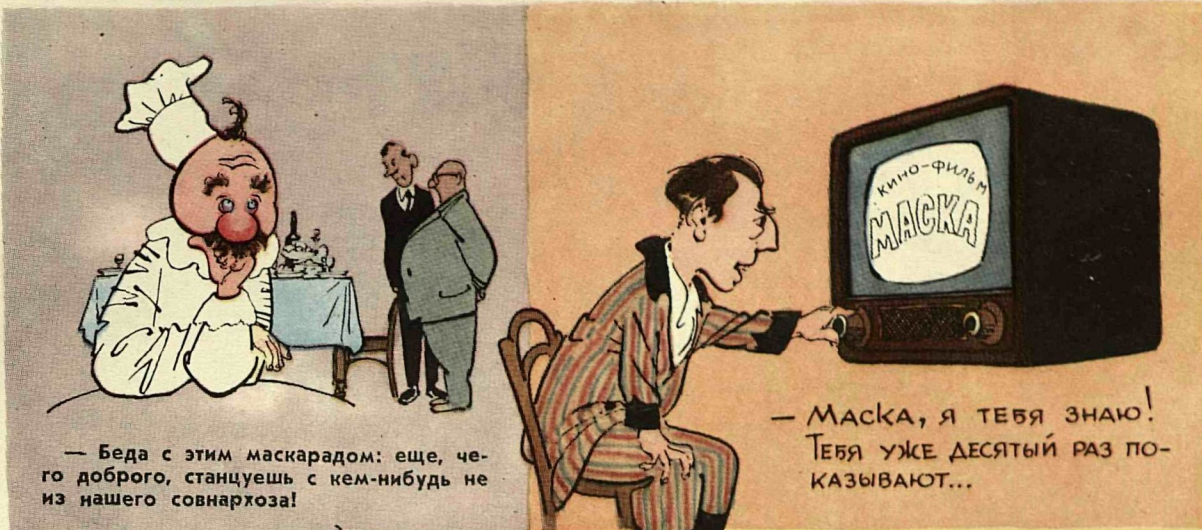
дание опа-зды-вать нельзя! На первое сви-дани-е о-

позды-вать нельзя! // первое сви-дани-е о-пазды-вать нельзя!

sf

Для повторения

Для окончания

— Беда с этим маскарадом: еще, чего доброго, станцуеть с кем-нибудь не из нашего совнархоза!

— МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ!
ТЕБЯ УЖЕ ДЕСЯТЫЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЮТ...

— Какая противная маска!
— Это не маска, это лицо...

БЕЗ СЛОВ

— В поле он на кукурузу и внимания не обращал, а вот на маскараде — ухаживает...

А. МАЛИН

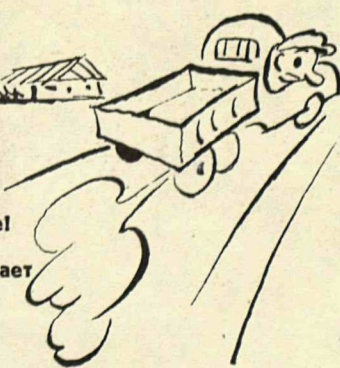
Грузовичок

Сверкая фарами, поблескивая краской,
Хвост пыли попышнее распушив,
В совхоз «Степное» по дороге тряской
Грузовичок молоденький спешил.
Зафыркал он, телегу обгоняя:
— Фу, лошади! Отсталость-то какая!
Пора понять: наш век
Не для телег!
Кобыльи кадры! Фу-фу-фу! Потеха!..
Но вдруг стряслась с Грузовичком беда:

С разгона он в промоину заехал,
Буксует — ни туда и ни сюда.
И хоть гудел, ревел он все сердитей,
Пришлось кричать: — Лошадки, помогите!

...Теперь Грузовичок о жизни больше знает
(Не зря, видать, в промоине сидел!)
И, если кой-кого и обгоняет,
Не фыркает, как прежде:
поумнел!

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 09316. Изд. № 1078. Подписано к печати 20/X 1958 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 2466. Тираж 1 020 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

41

30. ОКТ 1958

М + Музо

28812 ж.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

МИР: — Я ЧУВСТВУЮ ПРИЛИВ НОВЫХ СИЛ!